Сергей Тисон

Офшорный блюз

Сергей Тисон

Офшорный блюз

«Автор»
2026

Тисон С.

Офшорный блюз / С. Тисон — «Автор», 2026

Жёсткий экономический детектив о том, как в 1990-е строили империи и как они рушились за сорок минут. Артём Быстров начинал с комсомольских отчётов и логарифмической линейки, а закончил в списке Интерпола. Он умел превращать «мёртвую нефть» в реальные деньги и верил, что расчёт сильнее ствола. Но в августе 1998-го выяснилось: самые точные выкладки не спасают, когда правила игры меняют не банки, а спецслужбы. 40 минут, 487 миллионов долларов и одна роковая транзакция. Финал в очереди у кассы супермаркета бьёт сильнее любого триллера.

© Тисон С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Тисон
Офшорный блюз

«В России нет олигархов. Есть только люди, которым временно доверили подержать общак»

(народная мудрость)

АННОТАЦИЯ

«Офшорный блюз» — жёсткий экономический детектив о том, как в 1990-е строили империи и как они рушились за сорок минут. Артём Быстров начинал с комсомольских отчётов и логарифмической линейки, а закончил в списке Интерпола. Он умел превращать «мёртвую нефть» в реальные деньги и верил, что расчёт сильнее ствола. Но в августе 1998-го выяснилось: самые точные выкладки не спасают, когда правила игры меняют не банки, а спецслужбы. 40 минут, 487 миллионов долларов и одна роковая транзакция. Финал в очереди у кассы супермаркета бьёт сильнее любого триллера.

СИНОПСИС

«Офшорный блюз» — современный детектив о восхождении и падении «серого кардинала» эпохи 1990-х Артёма Быстрова. История начинается в Тюмени 1986 года: юный отличник и секретарь комитета комсомола нефтегазового управления быстро понимает, как устроена плановая экономика и где в ней живут «лишние» цифры. Его наставником становится директор Иван Савельевич — старый партийный волк, который учит Артёма главному правилу советской нефти («Родина — это мы») и показывает, как «мертвая нефть» кормит детские лагеря и школы.

Артём уходит от локальных схем к большим деньгам: фиктивные стройотряды, кооперативы, залоговые аукционы, создание банка «Евраз-Капитал». Ключевым союзником становится гениальная финансист Лана — она строит трёхзвенную офшорную цепочку: Кипр, Лихтенштейн, Британские Виргинские острова. К 1998 году банк превращается в «пылесос»: собирает деньги вкладчиков и гонит их через прокладки в офшоры, прикрываясь «хеджированием валютных рисков» и импортом оборудования.

В день дефолта, 17 августа 1998 года, Артём запускает протокол «Изъятие» и за сорок минут выводит 487 миллионов долларов. Но из-за одной эмоциональной ошибки — прямого перевода пяти миллионов бывшему партнёру Петрову, сделанного из злорадства, — он оставляет очевидный след. Перевод попадает в поле зрения американских спецслужб: куратор из Лэнгли мистер Грин замораживает счета и ставит Артёму ультиматум. Деньги исчезают, офшоры превращаются в «тыкву».

Эпилог и финал переносят действие в 2005 и 2025 годы: Артём в Бутово стоит в очереди у кассы супермаркета, пытается расплатиться картой — и получает отказ. От былого величия остаётся только смятая сторублёвка, которую он бросает в урну, и логарифмическая линейка в кармане дублёнки. Артём становится дворником в ЖЭКе и метёт двор между третьим и пятым подъездом — метёт чисто и честно, потому что система, как он понял слишком поздно, — это не схема и не офшор, а двор, который надо мести каждое утро.

Каждой сюжетной линии в книге дано камео-прощание: Лана строит консалтинговый бизнес на Кипре и учится делать схемы с запасом на выход; Петров, «агент влияния», садится за Быстрова — единственное его обещание, которое он сдержал, — и выходит на свободу продавцом свечей; Боцман уходит из игры, так и не простив; учительница географии, потерявшая сбережения, покупает сыну однушку на краю Москвы. Это история не про «успех любой ценой», а про то, что система пожирает собственных архитекторов — но живых ещё можно жалеть.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. МОСКВА, АВГУСТ 1998 ГОДА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИЗЫВ
1. Тюмень, 1986 год
2. Старый партийный волк
3. Первая схема
4. Учитель и ученик
5. Первая любовь и первый расчёт
6. 1989. Год, когда всё уже началось
7. Москва. 1991
8. Знакомство с Петровым
9. Савельевич умирает
10. Подбор знамени
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИВАТИЗАЦИЯ
11. Шамиль
12. Залоговые аукционы
13. Лана
14. ГКО. Пылесос
КУЛЬМИНАЦИЯ. АВГУСТ 1998-ГО
15. Сорок минут
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЦЮРИХ
16. Октябрь 1998-го
ЭПИЛОГ. БУТОВО, 2005 ГОД
17. Касса
18. Сторублёвка
КАМЕО. ЧТО СТАЛО С НИМИ
Лана
Петров
Боцман
Женщина с ребёнком
ФИНАЛ
Конец

ПРОЛОГ. МОСКВА, АВГУСТ 1998 ГОДА

Дым над Белым домом ещё не рассеялся, но деньги уже горели. В кабинете на двадцать втором этаже гостиницы «Славянская», откуда ещё вчера пахло кубинскими сигарами, дорогим коньяком и страхом, пахло только озоном — от расстрелянного из помпового ружья системного блока. Ружьё валялось на ковре рядом с осколками монитора и расплавленным модемом. Артем Быстров стрелял не в технику. Он стрелял в остатки тотальной проверки, которая должна была начаться завтра, — и не начнётся никогда, потому что завтра уже не существовало. Существовало только сегодня, семнадцатое августа, и сегодня страна падала со скоростью рубля. Артём Быстров, тридцать четыре года, вице-президент банка «Евраз-Капитал», стоял у панорамного окна и смотрел вниз. На набережной, у Тараса Шевченко, толпа штурмовала закрытые двери обменников. Люди били кулаками в стеклянные витрины, где ещё утром висели кнопки «покупка 6,2», а теперь висела кнопка «курс уточняется». Рядом с обменником плакала женщина в бежевом плаще — Артём видел её лицо крупно, как в кино, хотя до земли было двадцать два этажа. Она держала в руке сберкнижку и прижимала к плечу ребёнка. Ребёнок спал. Ему было всё равно, сколько стоит доллар: у его возраста ещё нет курса.

Артём смотрел не на толпу. Он смотрел на дисплей сотового телефона — на одно-единственное письмо из Цюриха. Тема письма была бездушной, как все письма денег: Subject:

Transaction complete. Amount: $487,000,000.00. Destination: BVI, Starlight Holdings. Отправитель: Артём Быстров. Получатель: Артём Быстров. Он только что обокрал самого себя, свою страну и людей, которые стояли внизу с плакатами «Верните наши вклады». Сорок минут назад Артём запустил протокол «Изъятие». Банк «Евраз-Капитал» умер в 9:12 утра по московскому времени — за несколько часов до того, как вечером Ельцин выйдет в эфир и скажет стране слово «дефолт». Его смерть оформили как «хеджирование валютных рисков» — три перевода, три прокладки в Белизе, финальный аккорд на Британских Виргинских островах, где ни один аудитор в жизни не бывал и не узнает, что Starlight Holdings — это не звёздный свет, а четыреста восемьдесят семь миллионов вернувшихся в одну точку судеб. И впервые за десять лет Артём почувствовал себя свободным. Свобода, как выяснилось, пахла озоном и была холодной.

Он ждал эйфории — той самой, которую ему обещали все, кто выводил деньги раньше: нирвана, остров, яхта, никому не должно. Но эйфории не было. Было только ощущение, что он вышел из тяжелобольного человека, как выходит хирург из операционной, — и теперь смотрит на тело из окна и видит, что тело ещё живо. Ещё дышит. Ещё бьёт кулаками в стёкла обменников и спрашивает у стекла: за что?

В дверь кабинета постучали три коротких и один длинный — так стучал только секретарь Виктор Палыч, у которого всё было распродано ещё во вторник, включая чувствительность.

— Артём Игоревич... — Виктор Палыч высунулся в проём, стараясь не смотреть на ружьё. — Снизу. Охрана говорит. Там людей до полусотни. И, кажется, юристы. В смысле, настоящие. С прокурорскими.

— Пусть ждут, — сказал Артём. — Дай мне минуту.

— Дать не могу, — честно сказал Виктор Палыч. — Они не ждут. Они уже в лифте.

Артём достал из ящика стола визитки, паспорт — фальшивый, на имя Быстрова Артёма Игоревича, совпадавшего с ним самим до последней буквы, — и конверт с билетом до Цюриха, купленным ещё в июне, когда ГКО ещё платили. Июнь был другой страной. В июне ещё верили, что существуют короткие деньги и длинные планы.

— Виктор Палыч, — сказал Артем, надевая пиджак. — Если вас спросят, где я, — говорите правду. Вы никогда не знали, где я. Это даже близко к правде.

— А вы куда, Артём Игоревич?

— К себе, — сказал Артём. — Наконец-то.

Он прошёл по коридору мимо зеркала, в котором на него посмотрел человек в дорогом костюме Brioni. В зеркале было видно то, чего не было в зеркале десять лет назад: не властность, а облегчение. Человек, который вышел из игры, всегда выглядит моложе — но только если вышел выигравшим.

Лифт открылся на первом этаже. Стеклянные двери были прижаты телами: журналисты, вкладчики, охрана, человек с табличкой «ЕВРАЗ-КАПИТАЛ — ВОР», которую держал старик в митенках. Старик в митенках — Артём запомнил его на всю жизнь — не кричал. Он просто смотрел на Артема сквозь стекло так, как смотрят на раковую опухоль на снимке: без ненависти, с пониманием диагноза.

Артём вышел через подземный паркинг. За рулём ждал Боцман — бывший десантник, который верой и правдой охранял его «выходы» с 1986 года.

— Куда, Артём Игоревич? Шереметьево?

— Домодедово, — сказал Артём. — И Боцман... съезжай сначала к Поклонной. Мне нужно посмотреть на это.

— Там сейчас тихо, Артём Игоревич. Ничего не происходит.

— Мне нужно на это посмотреть, Боцман. Потом уеду.

Боцман посмотрел на него в зеркало заднего вида — коротко, по-армейски, оценивая не просьбу, а человека, который её делает.

— На десять минут, — сказал он. — Потом я вас везу, и вы мне дадите слово, что не будете больше ничего передавать. Ни Петрову, ни Лане, никому. Всё, что вы завтра скажете, я услышу и забуду.

— Спасибо, Боцман.

— Не за что. С вами я двенадцать лет, больше не с кем.

Возле Поклонной горы стоял полупустой чёрный БМВ с мигалкой — одна из тех, что стояли там с 1995 года, без пользы и без смысла, просто как память о времени, когда мигалка была аргументом. Артем вышел из машины, постоял в холодном ветре, посмотрел на дым над городом, на людей, которые несли в сумках по десятку долларов на чёрный день, наступивший внезапно, — и подумал то, что он не сказал никому и никогда, до самого Цюриха:

Я думал, что вывожу деньги из страны. На самом деле я вывожу себя. Деньги были адресом.

Он сел в машину.

— Поехали, Боцман.

Машина тронулась. Позади осталась страна, которая через двадцать минут узнает слово «дефолт» и через двадцать лет будет произносить его как кличку своего прошлого. Впереди был аэропорт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИЗЫВ

1. Тюмень, 1986 год

Артём Быстров — не бандит с битой. Это надо сказать сразу, до всех историй про офшоры, чеченских бригадиров и цюрихские пентхаусы, потому что потом, когда его будут судить в газетах (судить в суде не успели), его нарисуют по шаблону: бешеный ширмох, кровавые девяностые, злодей с сигарой. Шаблон врёт. Артём вышел не из бандитского романа. Он вышел из советской бухгалтерии.

Он был отличником, капитаном школьной команды «Что? Где? Когда?», победителем областной олимпиады по экономике (на которой ему преподавали, что экономика — это наука о распределении ресурсов по плану) и — с восемнадцати лет — секретарём комитета комсомола нефтегазового управления «Приобьнефтегаз». Двадцатый год, значок с молотом и серпом на пиджаке, логарифмическая линейка в нагрудном кармане — не для красоты, а потому что калькуляторов «Электроника» на всех не хватало, а Артём считал в уме быстрее, чем секретарши на клавишах.

Его оружие было не кулаком и не автоматом. Его оружие было три вещи: логарифмическая линейка, наглость и глубокое понимание того, как работает плановая экономика. Плановая экономика — это система, в которой нельзя украсть, не украв, потому что любая цифра в плане либо завышена, либо занижена, и в обоих случаях кто-то на этом живёт. Артём понял это в первую же неделю работы, когда ему поручили свести отчёт по добыче и он обнаружил, что сумма «списанного на ремонт» оборудования равна количеству оборудования, которое на складе не существует.

— Это не воровство, — сказал ему тогда старший бухгалтер Гринько, моргая. — Это «остатки прошлого года». Бывает.

— А куда они деваются?

— В никуда. Это цифры, которые родились в плановой таблице и в жизни не живут.

— То есть они существуют в документах, но не существуют в жизни? — переспросил Артём.

— Да.

— А если их продать?

Гринько посмотрел на него так, как смотрят на ребёнка, который впервые спросил, откуда берутся дети: и с ужасом, и с гордостью за поколение.

— Тихо, — сказал он. — Это должно быть тихо.

2. Старый партийный волк

Его боссом был Иван Савельевич Дудник — директор управления, старый партийный волк, который в 1945-м, шестнадцати лет, прибил гвоздями первую в деревне дверь с надписью «СЕЛЬСОВЕТ», а в 1986-м раскатывал по Тюменской области на «Волге» с шашлыком на заднем сиденье и портретом Брежнева на зеркале — не из ностальгии, а чтобы гаишники пропускали без разговоров.

Савельевич учил молодого Тёму главному правилу советской нефти. Учил не на семинарах — учил в машине, по дороге с промысла, наливая Тёму горячей воды из термоса в жестяную кружку с надписью «ЛУЧШЕМУ ПО ПОБЕДАМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ».

— Скажи мне, Тёмка, — говорил Савельевич, глядя на дорогу, — сколько нефти даёт наша скважина номер сорок?

— Сто тысяч тонн в год, Иван Савельевич. По паспорту.

— А по бумагам мы проводим сколько?

— Девяносто.

— А куда десять тысяч?

Артем молчал. Он знал ответ — знал уже неделю, с того дня, как увидел на промысле грузовик без номеров, который загружался в семь утра, когда никто не был на работе, — но знал не словами, а чем-то, что ещё не имело названия.

— Десять тысяч — это «мертвая нефть», — говорил Савельевич спокойно, как говорят о норме выработки. — Она уходит налево. Перерабатывается на подпольном НПЗ в Кустанае — маленький такой заводик, крыша ржавая, зато внутри всё как в Кремле. Превращается в солярку. Солярка продаётся колхозам за наличные. На эти наличные мы строим Родине коммунизм.

— Коммунизм? — не выдержал Артём.

— Да, Тёмка. Коммунизм. — Савельевич повернул голову. — Детский лагерь построили в прошлом году — на мертвую нефть. Крышу в школе положили — на мертвую нефть. Тысячи рублей плановых премий — на мертвую нефть. Я полжизни отдал стране, чтобы у страны всё было, а у страны всё не было, потому что у страны всё было у плана, а план жил в кабинете, а в кабинете сидел человек, который в нефти не нюхал ни капли. Понимаешь, мальчик: если план врёт, то правда должна жить где-то ещё. Мы и живём в том месте, где правда ещё жива. И правду эту ты никогда, ни при какой власти, не расскажешь никому — ни начальству, ни жене, ни Богу на исповеди. Понял?

— Понял, Иван Савельевич.

— Не понял, — сказал Савельевич. — Но запомнишь. Запомни моё главное правило. Смотри на меня.

Артём посмотрел. Савельевич говорил, глядя на дорогу, на колонны «КамАЗов» с буровым оборудованием, уходящие за горизонт:

— Родина — это мы.

Он замолчал. Дорога стучала колёсами в лютневом грунте.

— Всё, что ты видишь вокруг, — весь этот ил, эти вышки, эти бараки, этот район с четырьмя магазинами и одним паспортным столом, — это Родина. Не Съезд партии. Не газета «Правда». Мы — те, кто в тонне нефти оставляет десять процентов на жизнь. И те, кто эти десять процентов ещё при жизни отдает детскому лагерю, чтобы у мальчишек с промысла было куда своих детей отправить. Понял теперь?

— Понял.

— Плохо, — сказал Савельевич, — что понял. Надо было не понимать. Но ладно. Иди работай.

Артём работал.

3. Первая схема

В первый год он создал первую в области схему «отката» через фиктивные стройотряды. Схема была гениальная и почти детская. В универе на экономфаке, куда Артём вечерами гонял на «Икарусе», ему рассказывали, что план экономики строится на пятилетке. Но в плане Тюменской области были стройотряды — студенты, которые летом приезжали на объекты и что-то строили. По плану каждый отряд имел смету. Смета шла через бухгалтерию управления. Артём — секретарь комсомола, а значит, человек, который подписывал документы о трудовом участии студотрядов, — обнаружил, что шесть отрядов, числящихся в документах, физически не существовали: их составы были уволены в июле, их вожатые уехали домой, их стройки стояли без людей. Но сметы продолжали жить. Деньги шли. Их подписывали на бумаге три человека, а забирали — Иван Савельевич, его зам Гринько и новый молодой человек с линейкой, которого звали Артём Быстров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.